

Бичарова Мария Михайловна

**ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К "ДРУГОМУ" КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР В
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Статья посвящена изучению культурологических и лингвокультурных особенностей концепта "другой" в контексте семьи как микромоделю общества на материале англоязычных семейных новелл. Впервые рассматривается идея толерантности к "другому" как вербально выраженный ценностный ориентир. Выявлено, что коммуникативной интенцией авторов изученных новелл является формирование преимущественно положительных индивидуально-личностных смысловых образований, ассоциируемых с концептом "другой", отличающихся от традиционно негативных его значений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/6.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 30-38. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 304.2

Культурология

Статья посвящена изучению культурологических и лингвокультурных особенностей концепта «другой» в контексте семьи как микромоделли общества на материале англоязычных семейных новелл. Впервые рассматривается идея толерантности к «другому» как вербально выраженный ценностный ориентир. Выявлено, что коммуникативной интенцией авторов изученных новелл является формирование преимущественно положительных индивидуально-личностных смысловых образований, ассоциируемых с концептом «другой», отличающихся от традиционно негативных его значений.

Ключевые слова и фразы: семья; восприятие «другого»; толерантность; ценностный ориентир; концепт; современная англоязычная литература; семейная сага.

Мария Михайловна Бичарова, к. филол. н.
*Кафедра английского языка и технического перевода
для естественного и физико-математического институтов
Астраханский государственный университет
valkirija@inbox.ru*

**ИДЕЯ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К «ДРУГОМУ» КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР
В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]**

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект 11-33-00395a2 «“Другой” в семье».*

Как известно, язык теснейшим образом связан с культурой: он «прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [22, с. 9], поэтому решение междисциплинарной проблемы корреляции языка, культуры и этноса возможно только усилиями целого ряда наук: от философии, культурологии и социологии до междисциплинарных исследований в сфере этнолингвистики и лингвокультурологии.

Любой текст, будучи «продуктом естественного языка и феноменом культуры» [6, с. 23], традиционно является основным источником получения данных для многих областей языкознания. «Вне порождения и интерпретации текстов немислим обмен знаниями и опытом, умениями и навыками, эмоциями, ценностями, идеями и нормами» [11, с. 17].

Исходя из положения, что культура в упрощенном виде представляет собой «коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [20, с. 203], можно рассматривать культуру как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных текстов. Таким образом, изучение текстов с позиции отражения в них этнической функции, где язык признается одним из факторов объединения и единства народа, эстетической, которая заметнее всего проявляется в художественных текстах, и познавательной, где язык осуществляет хранение и передачу общественно-исторического опыта людей от поколения к поколению, может стать основой для исследования отдельных феноменов культуры [7; 24].

По мнению Ю. Н. Караулова, тексты являются одной из форм существования и накопления семантики. В текстах также зафиксированы знания человечества о мире [15, с. 112]. В то же время для культурологических исследований большое значение имеют не только семантические, но и операционные, так называемые стереотипические аспекты речевых форм поведения, одной из которых является текст.

В тексте существует своеобразная структура «информационных и ценностно-нормативных компонентов всего потока сообщений “модель мира”, которая в течение длительного времени формирует (а также отражает) представления, убеждения, стереотипы, критерии оценки и эталоны большого числа людей» [12, с. 136]. В речевом поведении проявляется также своеобразие картины мира человека [21, с. 24].

Под картиной мира понимается «совокупность научных знаний, религиозных представлений, эстетических, художественных и моральных ценностей определенного социума, проживающего на определенной территории в конкретную историческую эпоху, закрепленных в различных текстах» [1, с. 6]. Эти ценности фиксируются в опосредованном виде в структуре вербального общения и поддаются выявлению в результате применения методов лингвистического анализа. Наиболее показательной в плане изучения культуры, как это отмечается у многих лингвистов (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, А. А. Брагина, Н. Б. Мечковская), является лексика языка, фразеология, пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты, афоризмы [5; 7; 24].

В современной интерпретации проблемы взаимоотношений между языком и культурой, которую он отражает, основным понятием является культурный компонент значения слова. Поскольку слово – это обозначение той или иной реалии действительности, то в его семантике можно выделить его экстралингвистическое содержание, отражающее обслуживаемую языком национальную культуру. Под реалиями мы, вслед за Г. Д. Томахиным, понимаем «абстрактные сущности, связанные с духовными ценностями и обычаями народа, общественно-политическим устройством и культурно-социальными традициями страны, то есть все

реальные факты, касающиеся быта, культуры, истории страны, особенности национального характера, черты психологического склада нации» [27, с. 78].

Семантика каждого языка отражает как общий, универсальный компонент культур, так и своеобразие культуры конкретного народа, равно как в каждой культуре есть общечеловеческое и этнонациональное. Универсальный компонент обусловлен единством видения мира людьми, принадлежащими к разным культурам, что в XX веке происходит особенно интенсивно благодаря унификации мышления и развитию техники [8; 24]. Универсальный культурный компонент присущ эквивалентной лексике. Смысловые различия эквивалентных слов, обусловленные различиями в реалиях, называют «лексическим фоном» слова (совокупностью знаний, сопряженных с определенным словом в данной культуре) [7, с. 70-74].

Любой человек существует в рамках определенной культуры, поэтому сценарии речевого поведения этого человека обусловлены программами социального поведения, которые представлены стереотипами, традициями, набором знаний и навыков, ценностными ориентациями, нормами и идеалами, действующими в пределах конкретной социокультурной сферы.

По Г. М. Денисовскому, «структура ценностей человека – характер и ранговый порядок его верований, влечений, стремлений – отражает конституцию самой природы (природы) человека, качество “человеческого материала”. Ценностное мироотношение – это не феномен или структура сознания, а жизненно-бытийное, т.е. онтологическое отношение, связывающее человека с реальным миром, в котором он живет» [9, с. 22-23].

Изучая отношения между языком и культурой, мы, следуя ценностному подходу, признаем существование нескольких систем ценностей, которые являются основой поведенческих стереотипов. Языковые единицы в опосредованном виде закрепляют в своем содержании ценности, которые могут быть выявлены посредством методов лингвистического анализа.

Являясь одним из ключевых понятий современной общественной мысли, феномен «ценность» используется в философии, социологии, психологии и педагогике для обозначения объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе нравственные идеалы и выступающих в качестве эталонов должного [16, с. 39].

«В философии проблема ценностей рассматривается в неразрывной связи с определением сущности человека, его творческой природы, его способности созидать мир и самого себя в соответствии с мерой своих ценностей. Человек формирует свои ценности, постоянно разрушает противоречия между сложившимся миром ценностей и антиценностей, использует ценности как инструмент поддержания своего жизненного мира, защиту от разрушающего воздействия энтропийных процессов, угрожающих рождаемой им реальности» [23, с. 15].

В социокультурных концепциях исследование ценностей также занимает существенное место, что связано с проблемами интеграции социальной системы, обеспечения социального взаимодействия. Так, функционалистская концепция Радклифф-Брауна провозглашает основной абсолютной ценностью выживание общества, а остальные культурные ценности определяет как инструменты для ее достижения [33, р. 26].

Т. Парсонс и другие последователи школы структурно-функционального анализа считают, что сохранение любой социальной системы может быть обусловлено существованием разделяемых всеми ценностей, которые рассматриваются в качестве высших принципов, «неэмпирических объектов», вызывающих общее «благоговение» и тем самым обеспечивающих согласие в обществе в целом и в отдельных социальных группах [32, р. 77]. Такое ценностно-консолидирующее пространство и является культурной составляющей.

Согласно позиции К. Клакхона, без ценностей «жизнь общества была бы невозможна; функционирование социальной системы не могло бы сохранять направленность на достижение групповых целей; индивиды не получали бы от других то, что им нужно... они бы не чувствовали в себе необходимую меру порядка и общности целей» [31, р. 394].

Особое место проблема ценностей занимает в культурологическом познании. Это главным образом обусловлено широко распространенным определением культуры как совокупности всех ценностей, созданных человечеством, что делает ценности специфическим объектом культурологического анализа. Если же интерпретировать культуру как регулятивно-нормативное пространство человеческого существования, в котором важнейшими элементами, наряду с образцами и нормами, являются ценности, культурологическое знание предстает как знание аксиологическое.

Изучение процессов усвоения индивидуумом определенной системы норм и ценностей, т.е. инкультурации, обязательно включает в себя аксиологический анализ, в ходе которого раскрывается генезис и место ценностей в сфере «собственной» культуры индивидуума.

Любая общепринятая ценность становится действительно существенной исключительно в личностном контексте, поэтому вопрос, связанный с корреляцией ценностей, выступающий побудительной силой для индивидуума, является очень важным аксиологическим аспектом изучения культурного поведения личности.

Многие ученые рассматривают ценности как квинтэссенцию личности. С такой интерпретацией связано понятие ценностной ориентации (value orientation), которую К. Клакхон определил как «обобщенную концепцию природы, места человека в ней, отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, концепцию, определяющую поведение (людей)» [Ibidem, р. 394-395].

Для ряда отечественных авторов характерно отнесение ценности к сфере должного, которое выступает в качестве нормы, цели, идеала, но в реальной жизни не осуществлено. По О. М. Бакурадзе, «суждение ценности имеет телеологический характер, т.е. указывает на состояние, определенное целью. Ценность не то, что есть, а то, что должно быть». Близка к названной также позиция И. С. Барского, который отмечает, что «ценности –

это, главным образом, идеалы общественной жизни, а на этой основе и личной деятельности»; А. Я. Разина понимает под ценностью «самостоятельный по отношению к отдельному субъекту инвариант оценочного опыта, объективированный в искусственных формах специфической предметности» [Цит. по: 4]. Таким образом, многие современные трактовки ценности базируются на социально-психологических исследованиях, интерпретируются как общественное явление, результат существования социума и его отдельных групп [10; 18; 34].

В современных общественных науках имеют место различные подходы и концепции, связанные с теорией ценностей, но их общее направление обозначено доминированием общечеловеческого и гуманистического начал в контексте различных культур. Сегодня в связи с новыми общественными и научно-техническими реалиями в мировосприятии и мировоззрениях современных поколений большое значение имеют категории мира, жизни и жизнестойкости личности, что в большой степени способствует возрождению теории ценностей в контексте объединения человечества в решении глобальных проблем. Именно поэтому нам видится острая необходимость синтезировать междисциплинарный подход к изучению знаний о человеческих ценностях, опираясь на обновленную философскую картину мира, включающую общечеловеческие ценности.

В этом новом историческом контексте родственные понятия «чужой», «другой», «иной», воплощенные в соответствующих концептосферах, выходят на первый план, становясь базой для осмысления их как противоречивых ценностных ориентиров. Основная роль в этих процессах принадлежит моделям репрезентации «чужого», «другого» и «иного» в средствах массовой информации и литературно-художественных текстах, формирующих общую информационную культуру общества и являющихся в конечном итоге основным фактором массового общественного поведения.

В сущности ценности, по мнению А. В. Битуевой, необходимо выделить два момента:

- связь с индивидом как оценивающим субъектом;
- санкционирование ценности обществом или группой (при выполнении этого условия ценности разветвляются как нормы и идеалы) [4].

Д. А. Леонтьев предложил три формы существования ценностей, переходящих одна в другую:

- 1) общественные идеалы – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни;
- 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей;
- 3) мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов.

Упрощенно эти переходы ученый представляет следующим образом: общественные идеалы усваиваются личностью и в качестве «моделей должного» начинают побуждать ее к активности, в процессе которой происходит их предметное воплощение; предметно же воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формулирования общественных идеалов и т.д., и т.п. по бесконечной спирали [18, с. 14].

Такую трансформацию легко проследить в восприятии, оценке и интерпретации индивидом «своего» и «чужого/другого»: моделью должного для любого человека является все, что ассоциируется со «своим», становясь своеобразным общественным идеалом, что побуждает в итоге к неприятию, отрицанию всего, что ассоциируется с «чужим», «другим», «иным».

С учетом того, что между внешними, социально обусловленными, и внутренними, персонально обусловленными, ценностями нет четко очерченной границы, В. И. Карасик предлагает разделить ценности на внешние и внутренние. Рубежами на условной шкале персонально-социальных ценностей могут считаться границы языкового коллектива. Таким образом, с точки зрения субъекта противопоставляются ценности индивидуальные (персональные, авторские), микрогрупповые, макрогрупповые, этнические и общечеловеческие. С точки зрения оценочной сферы выделяются ценности моральные и утилитарные, суперморальные (выходящие в область иррациональных установок и выражающие аксиомы поведения) и субутилитарные (отражающие витальные потребности человека) [13].

Проанализировав посвященные изучению ценностей работы ряда ученых (Н. А. Арнольдов, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, Н. Неновски), выделим особенности, присущие данному феномену:

- обусловлены социально-политическими, экономическими факторами (идеологией, общественными институтами, верованиями) [2; 13];
- являются «средствами удовлетворения и социокультурным ответом на потребности» [14, с. 22];
- представляют собой предметы и явления внешнего и мыслительного мира, получившие наиболее позитивную оценку, число их ограничено количеством этих предметов [13, с. 8];
- выступают как ориентиры ценностно-оценочной деятельности личности или общности (то, что является образцом для подражания и воспитания) [2; 14];
- выражают общественное отношение социального субъекта к различным явлениям, факторам, процессам духовной жизни и образуют особые совокупности или системы в каждой из сфер социокультурной жизни людей [13, с. 11].

Выделим также ряд функций, которые выполняют ценности:

- побуждающую, стимулирующую (или направляющую), координирующую (между человеком и миром объектов), дидактическую [3, с. 363];
- репрезентативную функцию, заключающуюся в выражении и обозначении отношения человека к предметам и явлениям действительности, а также их значимости для человека [25, с. 28];
- ориентирующую функцию, которая заключается в том, что для сознания человека ценности выполняют роль повседневных ориентиров в предметной и социальной деятельности;

– регулирующую функцию, которая предписывает те или иные действия, тип поведения, наиболее предпочтительный в данной общности, ценности играют роль обоснования выбора, направляют деятельность человека [Там же, с. 30].

Соглашаясь с Д. А. Леонтьевым, отметим, что в комплекс ценностных представлений входят ценностные ориентации, ценностные стереотипы, ценностные идеалы и ценностные перспективы. По Д. А. Леонтьеву, «ценностные ориентации – это осознанные представления субъекта о собственных ценностях, о ценном для него – то, что выявляется с помощью любых вербальных методов, как социологических, так и психологических» [17, с. 188]. Ценностные стереотипы отражают ожидания, предъявляемые человеку теми или иными социальными группами или обществом в целом и осознаваемые им. Смысл понятия «ценностный идеал» состоит в том, что человек является не пассивным объектом собственной ценностной регуляции, а субъектом, который способен оценивать собственные ценности и проектировать (экстраполировать) в воображении собственное движение к ценностям, отличающимся от сегодняшних. Они выступают как идеальные конечные ориентиры развития ценностей субъекта (в его представлении) [Там же, с. 189].

Говоря о представлениях человека о своих ценностях в определенном будущем, можно также ввести понятие ценностной перспективы.

Мировая психология изобилует работами, посвященными ценностям и ценностным ориентациям, в которых изучается их структура. Психологи считают, что ценностная ориентация может выступать способом воплощения конкретных социальных целей, выражая определенные качества индивидуума [4].

Мы можем также утверждать, что ценностные ориентации являются своеобразными идеологическими установками субъекта, осознаваемыми им в процессе вхождения в общество и формулируемыми в предлагаемом социумом, масс-медиа и общественными институтами «терминах, позволяющих индивидуальному сознанию сделать общественную духовную ценность своим достоянием» [10, с. 18], посредством принятых в обществе и зафиксированных в языке значений.

Т. Шибутани определяет ценностные ориентации как «комплекс духовных детерминант деятельности людей или отдельного человека, а также соответствующих им социально-психологических образований, которые интерпретируются в положительном ракурсе их значений. В качестве таких детерминант могут выступать представления, знания, интересы, мотивы, потребности, идеалы, а также установки, стереотипы, переживания людей» [28, с. 403].

В нашей работе мы определяем ценностные ориентиры как вербально выраженные системы ценностных представлений субъектов, ценностно-символических императивов, функционирующих в данном социокультурном пространстве, а также ценностных предпочтений субъектов социализации.

Исходя из того, что процесс интеграции личности в социум является непрерывным, а воздействие со стороны общества может варьироваться в зависимости от обстоятельств, мы в данной статье выделяем один из наиболее, на наш взгляд, важных – семью, являющуюся своеобразной микромоделью общества, а также залогом его стабильности.

Активным агентом социализации и субъектом ценностей в нашей работе выступает художественная литература, в частности американские и английские семейные саги.

Поскольку ценностная картина мира включает в себя определенный перечень ценностных представлений и ценностных доминант и может быть описана с помощью концептов, мы рассматриваем концепт «другой», функционирующий в рамках американской и английской концептосфер, выраженных современной художественной литературой.

Анализ концепта «другой» – «different» – в англоязычном языковом пространстве в нашей работе осуществляется в рамках лингвокультурологического направления, процедура анализа была предложена Ю. С. Степановым. Он выделяет три «слоя» концепта: основной, актуальный признак; дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; внутреннюю форму, обычно вовсе неосознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме.

В основном признаке, в актуальном, «активном» слое концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения.

В дополнительных, «пассивных» признаках своего содержания концепт актуален лишь для некоторых социальных групп, при этом во всех случаях актуализируются «исторические», «пассивные» признаки концепта главным образом при общении людей внутри данной социальной группы, при общении их между собой, а не вовне, с другими группами.

Внутренняя форма, или этимологический признак, или этимология, открывается лишь исследователям и исследователями. Для носителей данного языка этот слой содержания концепта существует опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения [26].

Для выявления внутренней формы концепта обратимся к его этимологии. Этимологический словарь [29, р. 122] указывает, что слово «different» пришло в средневековый английский язык из древнего французского языка, который в свою очередь позаимствовал это понятие из латинского *differentem*, обозначающего «другой», «отличный», «непохожий». Это также отлагольное прилагательное от французского *differre* – ставить отдельно, ставить раздельно, отстранять, отдалять. 1912 годом датируется применение слова «different» в значении «особый», «особенный».

Толковый словарь современного английского языка [30] дает следующие определения слова «different».

1. Not alike in character or quality; differing; dissimilar: *The two are different.*

Непохожий по характеру или по качеству: *Эти двое – разные.*

2. Not identical; separate or distinct: *three different answers.*

Непохожий, отдельный или отличный: *три отличных (друг от друга) ответа.*

3. Various; several: *Different people told me the same story.*

Различный, непохожий, другой: *Разные люди рассказывали мне ту же самую историю.*

4. *Not ordinary; unusual.*

Неординарный, необычный.

Таким образом, внутренняя форма концепта «different» («другой»), заложенная в его этимологии и современном употреблении, содержит значения «непохожий», «отличный», «другой», т.е. отличающийся по внутренней структуре, качествам, специфическим характеристикам.

Говоря о компонентах концепта «другой», в частности восприятия «другого» в семье, отметим, что именно с неприятием другого, чужого, непонятного, а значит, и ненужного связаны многие конфликты, проявляющиеся в разнообразных жизненных ситуациях и имеющие разные масштабы. Принятие другого в свою семью, в свой мир предполагает формирование толерантного отношения к другому, не только к конкретному отдельно взятому новому члену семьи, но и к ему подобным представителям другой культуры и носителям другого менталитета, что будет способствовать формированию толерантности общества в целом.

Проблема «другого», а также схожих с ним понятий «чужого», «иногo» часто связана с многонациональностью и поликультурностью современного общества, а также вытекающими из этого проблемами и насущностью их решения. Однако это не единственный аспект, с которым может быть связана проблема неприятия «другого».

Вопрос восприятия «другого» прослеживается на протяжении развития сюжетных линий многих американских и английских литературных произведений, в процессе чего раскрываются различные аспекты, элементы концепта «другой», а также соответствующие контекстно-выраженные ценностные ориентиры, направленные на формирование толерантного отношения к «другому».

Каждый из элементов концепта «другой» характеризуется набором определенных лексем и коммуникативных ситуаций, в которых раскрывается отношение к «другому» с точки зрения функционирования данного концепта как ценностного ориентира в модели «книга – читатель». Рассмотрим схему функционирования ценностного ориентира в такой модели коммуникации. Для этого приведем ряд отрывков из следующих художественных произведений: «На восток от Эдема» (Дж. Стейнбек), «Голодная гора» (Д. дю Морье), «Плоть и кровь» (М. Каннингем), «Пока я жива» (Дж. Даунхэм).

Несомненно, самым выделяющимся и наиболее ярким элементом изучаемого концепта выступает соотношение «другого» с той или иной национальностью, что в очередной раз подкрепляет выводы о неприятии «другого», сделанные авторами, рассматривающими данный концепт с позиции интерпретации «другого» как *не своего, принадлежащего к другому этносу, стране, нации, менталитету, культуре и т.д.*

Например, в романе «На восток от Эдема» автор Дж. Стейнбек в диалоге двух героев, с одной стороны, демонстрирует неприятие «другого» как чужестранца, употребляя множество слов и словосочетаний, содержащих лексемы с негативным значением, а с другой – стремится нейтрализовать такой негатив фразами с позитивной оценкой:

«Louis turned to Adam, and there was just a hint of hostility in his tone. “I want to put you straight on one or two things, Mr. Trask. There’s people that when they see Samuel Hamilton the first time might get the idea he’s full of bull. He don’t talk like other people. He’s an Irishman. And he’s all full of plans – a hundred plans a day. And he’s all full of hope. My Christ, he’d have to be to live on this land! But you remember this – he’s a fine worker, a good blacksmith, and some of his plans work out. And I’ve heard him talk about things that were going to happen and they did.”

Adam was alarmed at the hint of threat. “I’m not a man to run another man down,” he said, and he felt that suddenly Louis thought of him as a stranger and an enemy».

«Луис повернулся к Адаму, и в его голосе зазвучали враждебные нотки:

- Я хочу, чтобы вы кое-что поняли, мистер Траск. Есть люди, которые, когда видят Самюэла Гамильтона в первый раз, думают, у него не все дома. Он разговаривает не так, как другие. Он ирландец. И у него множество планов, что ни день, у него новая затея. И он полон надежд! Ей-богу, на такой земле жить, тут, о чем хочешь, размечаешься! Но вы лучше запомните: он истинный труженик, отличный кузнец, и, бывает, его затеи пользу приносят. Многое, о чем он говорил, сбывалось, я сам тому свидетель.

В тоне Луиса слышалась скрытая угроза, и Адам насторожился.

– Я не привык судить о людях плохо, – сказал он и почувствовал, что Луис почему-то видит в нем сейчас чужака и недруга» (здесь и далее перевод автора – М. Б.).

Таким образом, данный диалог демонстрирует противоречие между «другим» – отрицательным, с негативным подтекстом в виде лексем «*he’s full of bull*» (у него не все дома), «*don’t talk like other people*» (говорит не так, как другие), «*a stranger*» (чужак), «*an enemy*» (недруг), и «другим» – положительным, «*a fine worker*» (труженик), «*a good blacksmith*» (хороший кузнец), призывая читателя в то же время к более толерантному отношению к представителю другой ментальности.

В романе Дафны дю Морье «Голодная гора» можно также четко наблюдать явно выраженное неприятие «другого»:

«His visit was followed by others: people he sent down to give expert advice about the workings; new engineers, new foremen. Strangers to the country. And for the first time in his life Hal felt one with the miners, and in a strange

way they sensed it too. The men were more open with him, more friendly, they cursed the **intruders** as “**dour-faced northern bastards**,” and laughed when Hal called them something stronger still. He knew now what it felt like to be employed by a stranger, working to a **stranger's** orders, and knowing that the product of the mine would give him nothing in return but his bare weekly wage».

«За этим визитом последовали другие; приезжали люди, которых он посылал, чтобы они составили квалифицированное мнение о том, как ведутся работы; это были новые инженеры, техники и прорабы. Чужие люди для этих мест. Тут впервые в жизни Хэл почувствовал себя заодно с шахтерами, и, как это ни странно, люди это поняли. Они стали держаться с ним более открыто, по-дружески, ругали пришельцев, обзывали их “северными ублюдками с надутыми рожками” и смеялись, когда Хэл добавлял еще более крепкие выражения. Он хорошо понимал, что означает работать на чужака, слушаться приказаний чужака, зная при этом, что из всего богатства шахты на его долю достанется всего-навсего жалкое недельное жалование».

В то же время этот же отрывок демонстрирует результат интеграции «другого» в инородную культуру: главный герой, будучи чужаком для местного населения, с течением времени и обстоятельств становится «своим»: *«for the first time in his life Hal felt one with the miners»* (впервые в жизни Хэл почувствовал себя заодно с шахтерами).

Помимо такого подхода к «другому» можно проследить проблему «другого» с позиции изучения другого, чужого как «постороннего» (А. Камю), отчужденного от самого себя, по сути своей «НЕ-Я». Здесь раскрываются новые различные элементы рассматриваемого концепта.

«Другая» внешность

Так, в романе Дж. Стейнбека «К востоку от Эдема» мы можем наблюдать отторжение людьми девушки, которая обладает незаурядной внешностью:

*«As she grew older the group, the herd, which is any collection of children, began to sense what adults felt, that there was something **foreign** about Cathy. After a while **only one person at a time** associated with her. Groups of boys and girls **avoided** her as though she carried a **nameless danger**».*

«Когда она подросла, ее группа, ее стая – а любое объединение детей это всегда стая – начала чувствовать именно то, что еще раньше почувствовали в Кэти взрослые, нечто чужеродное. Вскоре с Кэти стали общаться только поодиночке. Мальчики и девочки, дружившие компаниями, избегали ее, будто она несла с собой неведомую опасность».

Интересно, что «другая» внешность влечет за собой не только неприятие и отрицание, но также опасение некой угрозы, что выражается следующими лексемами: *«foreign»* (чужеродное), *«avoided»* (избегали), *«nameless danger»* (неведомая опасность).

«Другой» возраст

Классическое противостояние отцов и детей также может рассматриваться с точки зрения восприятия «другого», как, например, в уже упомянутом романе Дафны дю Морье «Голодная гора»:

*«How different Mrs. Henry was in every way from **the other** Mrs. Brodrick, Mr. Henry's mother. **No pride here, no wild temper, no driving of her servants to distraction with the changing orders and the demands she put upon them, but a quiet, sweet reasonableness** with every request she made, **and a firmness** of purpose that made the silly chatterers in the kitchen know their place».*

«А как отличается миссис Генри от той, другой миссис Бродрик, мамышки мистера Генри. Никакой важности и заносчивости, никаких скандалов; эта не доводит до отчаяния слуг, заставляя их делать то одно, то другое, совсем противоположное, не изводит их своими придираками, она всегда спокойна, ласкова и разумна в своих требованиях и, в то же время, во всем проявляет твердость, так что эти глупенькие болтушки на кухне знают свое место».

«Другие» жизненные приоритеты

Еще один аспект неприятия «другого» кроется в различных пониманиях людьми жизненных приоритетов. Понимание между людьми возможно тогда, когда их действия нацелены на достижение благ, которые являются традиционными в обществе: достаток, комфорт, удачный брак, крепкая семья, престижная работа и пр. Когда же стремления человека выходят за рамки этого традиционного круга жизненных приоритетов большинства людей, он становится непонятен для общества, а соответственно, становится «другим»:

*«She drew her chair close to the meagre fire, and poked at the coals. Men **had no idea of comfort**, especially army men. They got so used to early hours and iron beds and general dreariness that they never seemed to expect anything else. Edward was just the same now he had entered the regiment too. Henry was **different**. He was the only one of the boys **who really knew how to live**» (Steinbeck J. «East of Eden»).*

«Она придвинула кресло к камину, где едва теплился огонь, и помешала угли. Мужчины не имеют понятия о том, что такое комфорт, в особенности военные. Они так привыкают к ранней побудке, железным койкам и полному отсутствию уюта, что ничего лучшего не ожидают. Эдвард сделался таким же, едва только поступил в полк. А Генри совсем другой. Он единственный из всех мальчиков знает, как нужно жить» (Стейнбек Дж. «На восток от Эдема»).

«Другая» сексуальная ориентация

Еще более остро воспринимаются обществом представители нетрадиционной сексуальной ориентации. Такое неприятие ярко описывается в сюжетной линии романа М. Каннингема «Плоть и кровь», связанной с одним из героев произведения:

*«Billy smiled nervously, and felt that he himself was at once **desirable and slightly absurd**. He wanted this man's **continued attentions**, not because he enjoyed them but because, if they were withdrawn – if Cody suddenly*

dismissed him as a dull Harvard boy – his own uncertain promise might start to wither inside him. Dullness might become a fact about him».

«Билли нервно улыбнулся, ощущая себя и желанным, и немного нелепым сразу. Он хотел, чтобы этот мужчина и дальше проявлял к нему интерес – не потому, что наслаждался им, но потому, что, если интерес увянет, если Коди уйдет, сочтя его пресным гарвардским юнцом, неуверенные надежды, которые питал Билли, угаснут в его душе. И сказать о нем с полной определенностью можно будет только одно: скучный он человек».

В отрывке четко прослеживается, с одной стороны, отстраненность человека с другой сексуальной ориентацией от привычных ценностей, с другой – понимание своей непохожести и, как следствие, неоднозначное и противоречивое самовосприятие: *desirable* (желанный) – *slightly absurd* (немного нелепый), *continued attentions* (дальнейшее проявление интереса) – *dismissed* (увядание интереса), *uncertain promise* (неуверенные надежды) – *dullness* (скучный человек).

«Другое» здоровье (неизлечимые болезни, патологии)

Значительно отличается неприятие «другого», когда речь идет о каком-либо смертельном заболевании или врожденной патологии. Больной человек также воспринимается «другим», однако его инаковость отрицается не как что-то «злое», «недоброе», «плохое», «чужеродное», а как нечто, достойное жалости, сострадания и «особого отношения», например:

«There's something about the way he says it, as if he's doing me an enormous favour, as if he's sorry for me and wants to show he's a decent bloke – it tells me that he knows. Zoey's told him. I can see the guilt and pity in his eyes. He shagged a dying girl and now he's afraid. I might be contagious; my illness brushed his shoulder and may lie in wait for him» (Downham J. «Before I Die»).

«Он так это говорит, будто делает мне огромное одолжение, будто ему меня жаль и хочется показать, что он хороший парень; тут я понимаю, что он всё знает. Зои проболталась. В его взгляде я читаю жалость и сознание вины. Он переспал с умирающей девицей и теперь боится. Вдруг я заразна? Моя болезнь тронула его за плечо. А что, если она затаилась и ждёт, чтобы его сразить?» (Даунхэм Дж. «Пока я жива»).

Несмотря на присутствие элементов сострадания, отрицание и неприятие все равно присутствуют в явной негативной форме, поскольку такие «другие» люди ассоциируются с опасностью, угрозой для здоровья.

Итак, в данной работе мы рассмотрели тексты английских и американских семейных новелл, в которых концепт «другой» вербально репрезентируется в контексте семьи как микромоделю общества.

Мы выявили, что самым выделяющимся и наиболее ярким элементом изучаемого концепта выступает соотношение «другого» с той или иной национальностью, что в очередной раз подкрепляет выводы о неприятии «другого», сделанные авторами, рассматривающими данный концепт с позиции интерпретации «другого» как не своего, принадлежащего к другому этносу, стране, нации, менталитету, культуре и т.д.

Помимо такого подхода к «другому» можно проследить проблему «другого» с позиции изучения другого, чужого как «постороннего», отчужденного от самого себя, по сути своей «НЕ-Я». Здесь раскрываются новые различные элементы рассматриваемого концепта:

- «другая» внешность;
- «другой» возраст;
- «другие» жизненные приоритеты;
- «другая» сексуальная ориентация;
- «другое» здоровье (неизлечимые болезни, патологии).

Каждый из элементов характеризуется набором определенных лексем и коммуникативных ситуаций, в которых раскрывается отношение к «другому» с разных позиций.

Мы в очередной раз убеждаемся в том, что концепт – это универсальный феномен, поэтому его использование помогает установить особенности картины мира. Вслед за Д. С. Лихачевым, мы считаем, что в недрах человеческого сознания зарождается и формируется концептуальный взгляд на мир, но необходимо обратить внимание и на зарождение этого взгляда в коллективном сознании, определить в связи с этим в пространстве термина «концепт» роль и место мировоззренческим национальным позициям, менталитету [19, с. 280].

Использование концепта в различных контекстах является одной из эффективных форм коммуникативного воздействия, результатом которого является сообщение реципиенту определенного перечня ценностных ориентиров, способных гипотетически повлиять в той или иной степени на систему его ценностных представлений.

Рассмотрев вышеприведенные отрывки из английских и американских новелл, мы выделили и проанализировали в данных текстах вербально выраженный концепт «другой», представленный в контексте семьи. Его репрезентация в таком специфическом контексте показала, что основной коммуникативной интенцией авторов, прибегающих к использованию весьма широкого поля значений данного концепта, заключается в стремлении донести до адресата идею толерантного отношения к «другому», который, по сути, не является «чужим», а относится к той же социальной ячейке, что и реципиент, а именно к его семье.

Мы можем наблюдать, как преимущественно негативное значение концепта «другой», объективно зафиксированное в коллективном языковом сознании и зафиксированное в авторитетных источниках, например в толковых и энциклопедических словарях, замещается на индивидуально-личностные смысловые образования, которые имеют диаметрально противоположные значения в различных контекстах, формируя положительное отношение к феномену «другого».

Интересно отметить, что в изученных контекстах традиционное ядро концепта, включающее наиболее актуальные и часто встречаемые ассоциации, чаще всего несущие негативную оценку, такие как «чужеродный», «странный», «опасный», «непонятный», как бы «перекрывается» его периферией, включающей реже встречаемые значения, несущие нейтральную или положительную оценку: «интересный», «необычный», «непонятный», смыывая и без того нечеткие границы данного концепта.

Такая трансформация структуры концепта, присутствующая в рассмотренных нами отрывках, позволяет выделить идею толерантного отношения к феномену «другой» как ценностный ориентир, который, являясь вербальной репрезентацией комплекса ценностных представлений, активно участвует в процессах формирования, поддержания стабильности и развития ценностной картины мира социокультурного англоязычного пространства.

Итак, трансформированная в приведенных контекстах репрезентация концепта «другой» в результате его «осмысления» читателем через произведения литературы обращает его к комплексу ценностных представлений и предпочтений, дает не только отрицательную, но и нейтральную и положительную оценку «другому», на основании которой адресант формулирует свою собственную оценку. Контексты и оценки, предоставляемые авторами произведений, в совокупности формируют ценностный ориентир, материализованный адресантом в языковой форме, который может характеризоваться как «толерантное отношение к “другому”».

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. О коммуникативно-прагматических нормах текста // Сборник научных трудов. М.: Наука, 1983. Вып. 209. С. 3-15.
2. Арнольдов Н. А. Введение в культурологию (новая расширенная редакция): учеб. пособие. М.: Народная академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. 352 с.
3. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356-364.
4. Битуева А. В. Особенности строения ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // *Credo New*: теоретический журнал. 2000. № 3 (21). URL: <http://credonew.ru/content/view/184/25/> (дата обращения: 15.06.2012).
5. Брагина А. А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. М.: Русский язык, 1981. 49 с.
6. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: для ин-тов и фак. иностр. яз.: учебник. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 1990. 320 с.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. 246 с.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988. 445 с.
9. Денисовский Г. М. Посттоталитарное общество на рубеже веков. М., 1992. 164 с.
10. Донцов А. И. Теоретические принципы и опыт экспериментального исследования групповой сплоченности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1975. 22 с.
11. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 268 с.
12. Зильберт Б. А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов: Изд-во СГУ, 1986. 210 с.
13. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
14. Карасик В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса: учеб. пособие. Архангельск – Волгоград: Перемена, 1994. 36 с.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
16. Кирьякова А. В. Ориентация личности в мире ценностей // *Magister*. М., 1998. № 4. С. 39-41.
17. Леонтьев Д. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
18. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13-25.
19. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 280-287.
20. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 202-212.
21. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Национально-специфическое в межкультурной коммуникации // Антипов Г. А., Донских О. А., Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. 197 с.
22. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
23. Матвеева С. Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: Изд-во ИФ РАН, 1994. 250 с.
24. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 1996. 207 с.
25. Неновски Н. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987. 248 с.
26. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Академический проект, 1997. 990 с.
27. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
28. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. 535 с.
29. Barnhart Robert K. Barnhart Dictionary of Etymology. H. W. Wilson Co., 1988. 560 p.
30. Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 11.06.2012).
31. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action // *Toward a General Theory of Action* / ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 388-433.
32. Parsons T. The Political Aspect of Social Structure and Process // *Varieties of Political Theory* / ed. by D. Easton. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. P. 71-112.
33. Radcliff-Braun A. R. A Natural Science of Society. Glencoe, 1957.
34. Rokeach M. The Nature of Values. N. Y.: The Free Press; L.: Collier Macmillan Publishers, 1973.

IDEA OF TOLERANT ATTITUDE TOWARDS “OTHER” AS VALUE GUIDELINE IN CONTEMPORARY ENGLISH AND AMERICAN LITERATURE

Mariya Mikhailovna Bicharova, Ph. D. in Philology

*Department of English Language and Technical Translation for Natural Science and Physical-Mathematical Institutions
Astrakhan' State University
valkirija@inbox.ru*

The author studies the cultural and linguo-cultural features of the concept “other” in the context of family as society micro-model by the material of English-language family novels, for the first time considers the idea of tolerance to “other” as verbally expressed value guideline, and reveals that the communicative intention of the authors of the studied novels is the formation of mainly positive individual-personal semantic structures associated with the concept “other”, different from its traditionally negative meanings.

Key words and phrases: family; perception of “other”; tolerance; value guideline; concept; contemporary English-language literature; family saga.

УДК 930.22:[(470+571)+(510)]

Исторические науки и археология

В конце XIX века в России началось всестороннее глубокое научное изучение Китая. Статья посвящена анализу архивных материалов о научной деятельности российских дипломатов. Работая в различных китайских городах, в свободное время они проводили этнографические исследования, изучали китайскую историю, культуру, философию и религию, переводили китайские тексты, участвовали в археологических раскопках, собирали произведения китайского искусства. Кроме того, оказывали помощь российским и иностранным ученым, посещавшим Китай.

Ключевые слова и фразы: российско-китайские отношения; дипломатическая практика; российские дипломатические миссии; российские дипломаты; российские путешественники; китаеведение; китайская традиционная культура.

Юлия Гариевна Благодер, к.и.н.

Кафедра политологии и права

Кубанский государственный технологический университет

blagoder_1@mail.ru

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧИНОВНИКОВ МИД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ©

В конце XIX в. стало достаточно явным столкновение интересов западноевропейских государств и России, которая с пристальным вниманием наблюдала за ситуацией в приграничных областях Китайской империи – Кашгарии, Джунгарии, Маньчжурии и Монголии – и не имела желания допускать распространения там влияния Англии и Франции. В подобной международной обстановке российскому правительству было крайне необходимо обладание достоверными сведениями о политическом и социально-экономическом положении в Азии и точное описание как своих отдаленных территорий, так и сопредельных земель. Благодаря совместным усилиям российских путешественников, ученых и дипломатов в этот период началось глубокое научное изучение Китая.

Начиная с XIX в. Россия получила возможность направлять в Цинскую империю для продолжительной работы собственных дипломатов. Обильный поток информации, полученный от них, значительно повлиял на «видение» российской общественностью китайской жизни, расширение сфер российско-китайского взаимодействия. Деятельность представителей Министерства иностранных дел Российской империи в Китае, занимавшихся научными изысканиями, в отечественной науке еще не получила глубокого анализа. Существенную помощь в проведении исследования могут оказать документы фондов Архива внешней политики Российской империи и Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук, позволяющие не только восполнить имеющиеся исторические пробелы, но и полнее представить интеллектуальный облик переводчиков, секретарей, консулов, служивших в разное время в Пекине, Шанхае, Урумчи, Чугучаке, Кульдже, Кашгаре, Ханькоу, Тяньцзине и иных китайских городах.

Понимая значимость широких разносторонних исследований и видя трудности, с которыми сталкивались иностранцы, недостаточно хорошо знающие Китай, генеральный консул в Пекине В. Сосковец [1, д. 2504, л. 5-7], генеральный консул в Кашгаре С. В. Соков [10, д. 7, л. 9], консулы в Урумчи А. А. Дьяков [Там же, л. 68, д. 12, л. 143, д. 34, л. 3] и Н. Н. Кротков [Там же, д. 59, л. 15], драгоман, а позже консул